

Т.Б. Никитина

Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории
ул. Красноармейская, 44, Йошкар-Ола, 424036, РФ
E-mail: tshikaeva@yandex.ru

ЖЕРТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ С ОДЕЖДОЙ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ IX–XI вв.

Жертвенные комплексы в межмогильном пространстве (жк) в качестве диагностирующих признаков марийских средневековых могильников обозначены автором еще в 90-е гг. Выделены четыре варианта жк, в том числе наиболее характерные и массовые для памятников марийской культуры варианты III и IV. В статье рассмотрены и впервые введены в научный оборот 26 комплексов из Русенихинского и Выжумского могильников, раскопанных автором данной статьи в 2010–2015 гг. Дополнительное представлено посудой, орудиями труда или бытовыми предметами, одеждой и украшениями. Благодаря совершенствованию методики раскопок данных объектов, вскрытию и фиксации по слоям толщиной от 1 до 3 см выявлено уровневое залегание украшений и элементов одежды по вертикали голова — ноги. В некоторых объектах среди фрагментов удалось выделить элементы головных уборов и обуви, кафтанов, платья или прямоугольных кусков ткани. По внешним признакам: обилие тканей, фрагментной одежды (как нижней, так и верхней), состав и расположение украшений в определенной вертикальной зональности, соответствующей месту того или иного украшения или элемента в костюме, — можно предположить, что в комплексы помещена кукла, изготовленная из одежд покойного. Связь души умершего человека с одеждой у марийцев подтверждается данными этнографии и фольклора. Обряд изготовления кукол из одежд умерших известен у угорских (ханты, манси) и тюркских народов. Несмотря на то, что у разных народов обряд имеет свои названия, различные материальные формы выражения, суть его одна: кукла изготавливалась в качестве временногоместилища души умершего. Очевидно, что комплексы в межмогильном пространстве или засыпи могильных ям с набором одежды в марийских средневековых могильниках являлись поминальными, служилиместилищем душ предков и способствовали после определенного срока переходу душ в потусторонний мир. Этот обряд мог появиться под влиянием угорской или тюркской традиции. В пользу последней может свидетельствовать слово «курчак», которое соответствует обозначению куклы у киргизов («ккурчак») и совпадает с названием изображений женских духов-предков у шорцев («qurtujaq») и кумандинцев («urtujaq»), барабинских татар («курцак»).

Ключевые слова: погребально-поминальная обрядность, марийцы, мордва, средневековье, тюрки, жертвенный комплекс, одежда,местилище души.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-021-032

Жертвенные комплексы в межмогильном пространстве (жк) в качестве диагностирующих признаков марийских средневековых могильников обозначены автором еще в 90-е гг. [Никитина, 2001]. Впоследствии была разработана более подробная типология данных объектов и выделено четыре следующих варианта жертвенных комплексов в межмогильном пространстве [Никитина, Ефремова, 2012].

Вариант I. Компактно расположенные вещи. В эти скопления входили орудия труда, принадлежности конской сбруи, а также отдельные женские украшения: шейно-нагрудные (гривны), украшения рук (браслеты, перстни). Поясные украшения представлены разрозненными элементами поясного набора: пряжками, единичными накладками, наконечниками. В составе этих комплексов не встречаются этноопределяющие изделия.

Вариант II. Металлическая посуда: железные или медные котлы и чаши из цветного металла. Иногда сосуды обернуты сверху дном, под сосудами или в них располагались отдельные предметы: бытовые вещи, оружие, орудия труда.

Вариант III. Предварительно завернутые в ткань, кожу, мех вещи уложены в берестяной туюсок или в лубяной бочонок, облицованный сверху берестой.

Вариант IV является переходным между вариантами II и III. Берестяной туес или лубяной бочонок, аналогичные описанным в варианте III, дополнительно поставлены в железный или бронзовый котел или под котел, образуя единый комплекс.

В данной работе рассмотрены жк вариантов III и IV как наиболее многочисленных и показательных для изучения марийской культуры.

На момент разработки типологии насчитывалось 26 экз. (вариант III — 22 экз., вариант IV — 4 экз.). В настоящее время к этим вариантам можно отнести 48 комплексов в межмогильном пространстве.

Цель данной статьи — ввести в научный оборот материалы из Русенихинского и Выжумского могильников, раскопанных автором в 2010–2015 гг., позволяющие по-новому интерпретировать семантику жертвенных комплексов с одеждой.

Жертвенные комплексы представляют собой ямы округлой, подквадратной или овальной формы с отвесными или слегка скошенными ко дну стенками диаметром от 25 до 50 см. Глубина объектов от 20 до 60 см. Дно имело подстилку из войлока, которая зафиксирована в 57,7 % случаев; в жк 2, 5, 8, 11, 13 Русенихинского могильника, жк 14 Выжумского могильника обнаружены фрагменты и даже целые экземпляры войлочных ковриков, расшитых цветными нитками. В 34,6 % случаев на дне прослежены также деревянные палочки, неширокие дощечки или прутья от дерева. Засыпь гумированная, включения угля отмечены в 31 % объектов. Общими чертами для всех комплексов являются наличие туеса, обилие ткани, меха, кожи.

Состав жертвенных комплексов варианта III из Русенихинского и Выжумского могильников

№ п/п	Могильник, номер жк	Туес	Войлок	Ветки и дощечки	Орехи	Монеты	Уголь	Украшения				Ткань, одежда			Орудия труда и бытовые предметы					Сосуды								
								Головные	Шейно-нагрудные	Рук	Поясные	обувные	Неопределенные	Кафтан, головной убор	Ткань	Мех	Кожа	Тесто	Нож	Шило	Наконечник стрелы	Кресало	Оселок	Деревянная чаша	Металлическая чаша	форма		
1	Рус. 1	+											+	+										+				
2	Рус. 2-1	+	+	+	+		+					Пласт.	+	+	+	+									+			
3	Рус. 4	+					+						+		+										+			
4	Рус. 5-1	+	+	+			+	+	+				+	+	+									+	+			
5	Рус. 5-2	+	+	+		+								+	+	+								Крем.		+		
6	Рус. 6	+				+	+					Пров.	+	+	+	+	+	+								+		
7	Рус. 7	+					+		+	+	+		+	+	+											+		
8	Рус. 8	+	+				+		+	+	+		+	+	+													
9	Рус. 9 разр.	+	+										+	+	+											+		
10	Рус. 10	+					+			+	+				+													
11	Рус. 11 разр.	+	+	+		+		+					+	+	+	+												
12	Рус. 12 разр.	+		+	+		+					Дерево			+							Острие				+		
13	Рус. 13	+	+				+			+				+	+	+										+	+	
14	Рус. 14	+, ?	+	+	+		+	+	+	+	+		Кост. предм.		+	+	+					+				Шкат.		
15	Выж. 3		+		+			+	+	+			Кост. предм.		+	+	+								Крем.		Кер.	
16	Выж. 4			+			+	+		+					+										+			
17	Выж. 7						+	+	+	+				+	+	+										+		
18	Выж. 8		+				+		+					+	+	+												
19	Выж. 10	+	+			+	+			+	+			+	+										Крем.			
20	Выж. 11	+							+					+	+													
21	Выж. 12	+	+		+		+	+	+					+	+													
22	Выж. 13	+	+	+		+		+	+	+				+	+	+										+		
23	Выж. 14	+	+		+			+	+	+	+			+	+	+						+				+		
24	Выж. 15	+	+				+			+				+	+	+	+										+	
25	Выж. 16		+	+			+		+	+		Расч.	+	+	+	+												
26	Выж. 17 (?)	+				+			+																Крем.			

Фрагменты туесов из бересты или луба обнаружены в 92 % комплексов. В остальных случаях (8 %), если не обнаружено их фрагментов, по заполнению грунта видно, что вещи лежали в какой-то емкости, так как в центре заполнения выделялось пятно в форме круга с четкими ровными краями.

Содержимое комплексов (табл.) можно объединить в три группы: 1) посуда; 2) орудия труда и бытовые предметы; 3) одежда и украшения.

Внутри комплекса помещались сосуды, которые зафиксированы в 13 случаях (50 %): жк 3 Выжумского могильника — фрагменты керамического сосуда; жк 2 и 5 Русенихинского могильника — чаши из цветного металла, в 11 комплексах обнаружены деревянные чаши. Последние сохранились плохо, представлены, как правило, небольшими фрагментами венчиков, края которых окантованы тонкими серебряными пластинками, вырубленными из дирхемов или подражаний им. Вполне вероятно, чаши, не имевшие таких окантовок, не сохранились.

Орудия труда и бытовые вещи в составе комплексов этого типа достаточно частая находка (77 %). Представлены в основном ножами, а также — по одному случаю — шилом, острием, наконечником стрелы, т.е. всегда заостренным предметом. Эти заостренные предметы могли использоваться и для проделывания отверстий на одежде. В единичных случаях обнаружены кресала. Других орудий труда в комплексах не обнаружено.

Основную массу находок составляли фрагменты одежды, меха, кожи. Они присутствовали во всех комплексах. Обнаружены шерстяные ткани полотняного и саржевого переплетений, ткани из растительных волокон полотняного переплетения, тесьма, фрагменты шелка и хлопка. В отдельных случаях достоверно установлено, что это остатки одежды. В жк 6 Русенихинского могильника при разборе многослойного куса шерстяной ткани была выявлена часть рукава, сшитого запошивочным швом шерстяной нитью. Шов соединяет два среза ткани. Обнаружен также крупный фрагмент подола из нескольких клиньев. Учитывая, что комплекс отличается мужским набором вещей, можно предположить в данном случае принадлежность фрагментов шерстяному мужскому кафтану с подолом из клиньев. В жк 7 Русенихинского могильника найдены лоскутки шерстяной ткани с горизонтальными полосами, образованными цветными нитями основы. Явная декоративность ткани позволяет предположить, что она была основной или отделочной тканью теплой верхней одежды, от которой сохранились также остатки рукава и куски, вероятно, отделки горловины [Орфинская, Никитина, 2014].

Аналогичная картина наблюдалась и в других могильниках марийской культуры. Фрагмент верхней одежды, возможно кафтана, из нескольких пластин тонкой кожи обнаружен в жк 13 Нижней стрелки с женским набором вещей. Ширина пластин в высохшем состоянии 25 см, длина сохранившейся части 34 см. Куски кожи сшиты с изнаночной стороны обметочным швом. На изнаночной стороне кожи фиксировались следы прилипшего органического материала, заметны тонкие пуховые волосы. Один фрагмент имеет следы подгиба, т.е. не исключено, что кожа покрывала меховую подкладку.

Значительную часть находок составляют прямоугольные куски ткани без швов. В погребении 19а могильника Нижняя стрелка были обнаружены два прямоугольных изделия размерами 130×30 см и 122×31 см. Изделие шириной 31 см и длиной не менее 122 см было исследовано О.В. Орфинской в лабораторных условиях. Концы его были, вероятно, двухслойные, на одной стороне сохранился подшитый по краю фрагмент шелковой ткани. В жк 4 этого же могильника край аналогичного прямоугольного изделия из тонкой шерсти черного (темно-синего) цвета был обшит светлой шерстяной нитью и украшен полосой тонкой ткани из растительных волокон и узором, выполненным цветными шерстяными и металлической нитями. В составе комплекса обнаружены также куски подквадратной формы, возможно головные платки [Никитина, 2014, с. 23].

Во многих комплексах (жк 5, 6 Русенихинского могильника, 13, 15, 16 Выжумского, 13 Нижней стрелки и т.д.) обнаружены скопления ткани, обильно декорированной вышивкой из металлической нити.

Расположение ремней с накладками свидетельствует, что они в большинстве случаев опоясывали в 1,5 или 2 оборота какой-то объемный объект, что соответствует способу ношения наборного пояса в костюме.

В жк 5, 7, 14 Русенихинского могильника сохранились крупные фрагменты обуви, подлежащие реконструкции. Носок имелвшитый треугольник из кожи, украшенный металлической нитью и пронизками. Вокруг вставленного треугольника кожа плотно собрана с помощью четырех рядов цветных нитей. Петле- и очковидные подвески не только служили украшением, но дер-

жали шерстяные шнурки, которые оборачивались вокруг ноги. В жк 5, 14 Русенихи шнуры длиной 77 см (по два с каждой стороны), изготовлены из прядей двух цветов, сплетенных в косичку, имели раздвоенный конец, украшенный бронзовыми пронизками. На заднике пришита умбоновидная подвеска с привесками из пяти металлических бусин с продетыми кожаными шнурками (два шнурка по 30 см), которые также оборачивались вокруг ноги [Никитина, 2014, с. 27, 28].

Основная масса фрагментов ткани, меха, кожи еще не реставрированы, и их функциональное назначение не определено. Но по перечисленным реконструкциям можно сделать заключение, что в комплексах находилась одежда или ее части, а также прямоугольные куски ткани.

На отдельных фрагментах ткани, меха и войлока имеются круглые отверстия, свидетельствующие, что органические материалы преднамеренно повреждены. Осмотр под микроскопом таких фрагментов показал, что отверстия имеют опаленные края, т.е. проделаны металлическим предварительно накалившимся предметом. Среди погребального инвентаря встречаются колющие металлические орудия, которые вполне могли быть использованы для этих целей (рис. 4, 3, 4).

Украшения, как правило, представлены всеми категориями, их состав в типовом отношении зависит от того, с мужской или женской субкультурой связан комплекс.

На первый взгляд создается впечатление, что украшения завернуты в ткань, мех и кожу бессистемно. Именно в качестве «узлов с вещами» их характеризовал А.А. Спицин, один из первых исследователей, обративших внимание на эти объекты. Я также дала описание по этому шаблону: украшения, завернутые в ткань, мех, кожу, опоясанные ремнем.

Совершенствование методики раскопок данных объектов, вскрытие и фиксация по слоям толщиной от 1 до 3 см позволяют выявить интересные детали. В отдельных комплексах (жк 5, 7 Русенихинского; 7, 14, 16 Выжумского могильника) украшения и детали одежды соответствовали местоположению в костюме, надетом на человека: вверху головные украшения или фрагменты головного убора, далее нагрудные украшения и украшения рук, в средней части ремень, в нижней, ближе ко дну, — украшения обуви.

В качестве иллюстративного примера можно рассмотреть комплекс жк 14 Русенихинского могильника.

Жертвенный комплекс 14 фиксировался с глубины 30 см от уровня современной дневной поверхности (-45 см от нулевой точки)¹. Заполнение слабогумированное светло-серого цвета с небольшими включениями угля. Стенки ровные, достаточно отвесные. Дно отмечено на глубине -80 см. На глубине -73 см проявились край бронзовой гривны (№ 2) (рис. 1, 1) и один отогнутый конец височного кольца (рис. 2, 2). Полностью гривна обозначилась на глубине 75 см (рис. 2, 9); на этой же глубине расчищена шумящая круглая нагрудная подвеска, изготовленная в наборной технике (рис. 3, 14). Второе височное кольцо сохранилось лишь во фрагментах на глубине -76 см. Рядом с нагрудным украшением на глубине -76 см лежала бронзовая проволочная пронизка. Выявленные вещи находились на слое меха и ткани, после снятия которых на глубине -77 см был отмечен новый слой находок (рис. 1, 2): фрагменты кожи, бронзовые пронизки на кожаных ремешках (рис. 3, 1, 5, 6), костяные коньки (рис. 3, 2–4), костяные орнаментированные пронизки (рис. 3, 8–10) и подвески (рис. 3, 7, 11) от сложного украшения «накосника» (№ 6). На этом же уровне обнаружены бубенчики (№ 7) от зооморфных подвесок, которые найдены чуть ниже (рис. 3, 12, 13, 18), а одна из них, с раковиной каури между петлями, зафиксирована на этой же глубине (№ 8).

На глубине -78 см (рис. 1, 3) в слое меха были расчищены фрагменты кожаного ремня и бронзовая рамчатая пряжка (рис. 3, 15–17), ниже — фрагменты обувных украшений (№ 10), несколько скорлупок от орехов (№ 11). Кожаный ремень имел металлические накладки из очень тонкой фольги, от которых сохранился тлен и россыпь белого металла, а также отверстия в кожаной основе. У южного края под слоем меха обозначилась костяная рукоятка шила (№ 12). Рукоятка украшена прорезным геометрическим орнаментом (рис. 3, 20). Шило полностью обозначилось на глубине 79 см. Под слоем меха на глубине -79 см (рис. 1, 4) расчищены еще две обувные подвески и фрагменты обуви (№ 13) (рис. 2, 6, 7, 11, 12), верхний слой берестяной шкатулки диаметром 18 см (№ 14). Шкатулка была плоская; ее дно также сохранилось во фрагментах. Внутри шкатулки обнаружены четыре бронзовых браслета и перстень, надетый на два браслета. Браслеты были завернуты в кожу. В шкатулке находились также костяная копоушка (рис. 3, 19), кусочки ткани, моточек ниток и две железные иголки. Иголки очень плохой сохран-

¹ Далее все глубины указаны от нулевой точки.

ности, рассыпались. Под берестяной шкатулкой на дне комплекса зафиксированы мех, войлок, фрагменты коры и деревянные прутики.

Аналогичное урвневое залегание украшений и элементов одежды по вертикали голова — ноги отмечено в жк 5, 7 Русенихинского могильника, жк 4 могильника Нижняя стрелка, жк 13–15 Выжумского могильника. Все указанные комплексы содержат элементы женской культуры с обилием украшений различных частей тела.

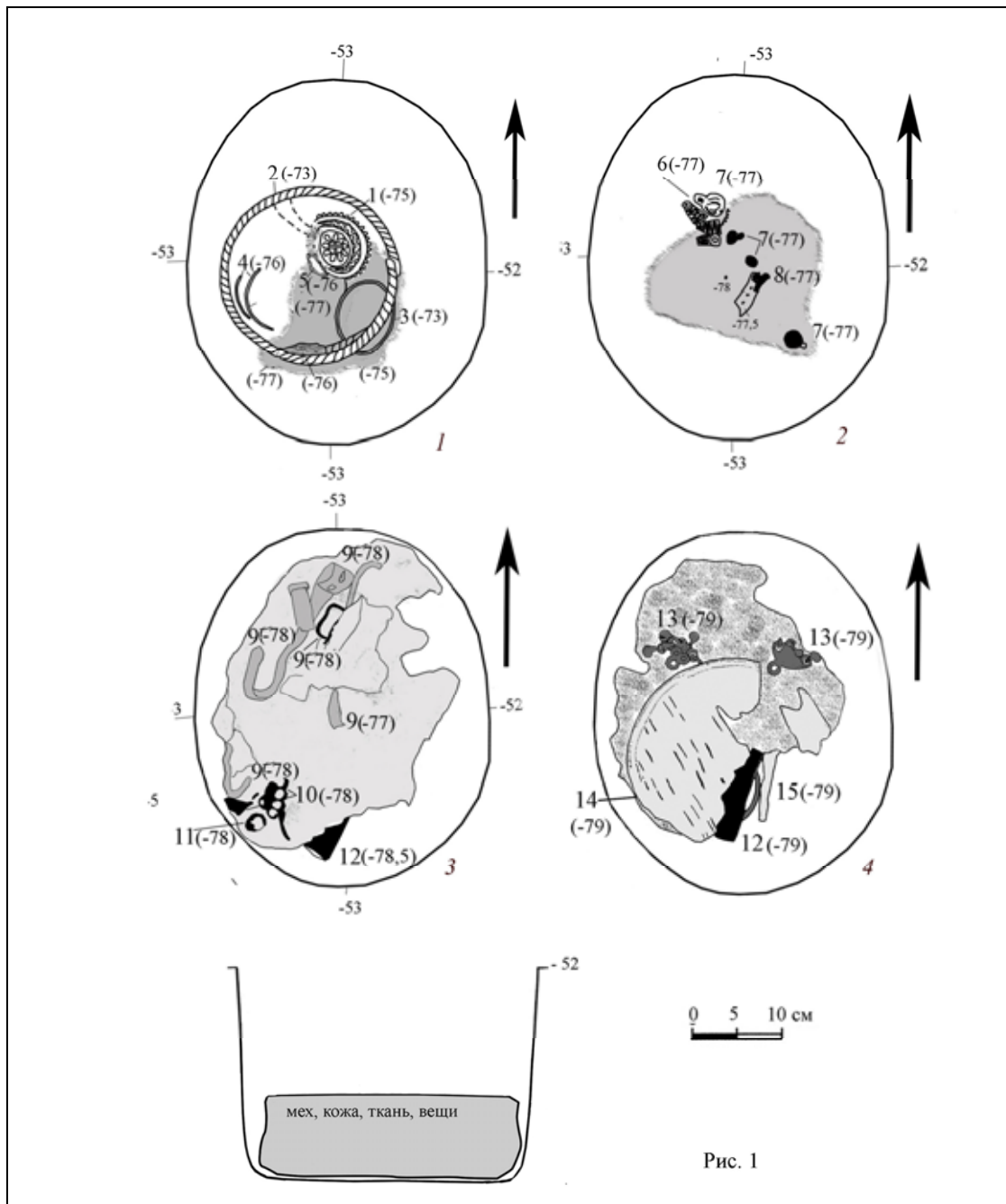

Рис. 1. Русенихинский могильник, жертвенный комплекс 14:

1 — нагрудное украшение; 2 — гривна; 3 — височное кольцо; 4 — височное кольцо; 5 — пронизка; 6 — наконник; 7 — бубенчики; 8 — зооморфная подвеска; 9 — пряжка, ремень; 10 — фрагменты обуви; 11 — орехи; 12 — шило; 13 — фрагменты обуви, берестяная шкатулка; 14 — копоушка; 15 — браслет с перстнем.

Рис. 2. Русенихинский могильник, инвентарь жертвенных комплексов 15 (1) и 14 (2–13):
1–6, 8–10, 13 — цветной металл; 7, 12 — кожа, цветной металл; 11 — ткань, кожа.

Мужские костюмы были менее декорированы металлическими украшениями, поэтому выделить слои труднее. Обычно они отмечены богатым поясным набором. В ряде случаев над поясом найдены серьги: жк 2, 8, 13 Русенихинского могильника. В жк 16 Выжумского могильника нагрудные украшения также находились над поясом.

По внешним признакам: обилие тканей, фрагментов одежды (как нижней так и верхней), состав и расположение украшений в определенной вертикальной зональности по оси голова — ноги, соответствующей месту того или иного украшения в костюме, можно предположить, что в данные комплексы помещена кукла, изготовленная из одежды покойного.

Интерпретация

По археологическим материалам точных аналогий жертвенным комплексам вариантов III и IV обнаружить не удалось. Определенное сходство они обнаруживают с комплексами из рязанско-окских могильников: Гавердовского [Ефименко, 1975, с. 14–17] и Кораблино [Белоцерковская, 1997, с. 20], по устройству (берестяной короб, веточки деревьев под днищем, расположение не в самой могиле, а в нише) и составу (украшения, пояс, одежда из ткани, кожи, меха) — с находками в нише погр. 33 Тат-Боярского могильника [Голдина, 1999, с. 315].

В сравнительном плане интересны «тайники» около погребений в древнехакасских курганах, представляющие собой скопления украшений и других вещей, положенных в войлочный узелок или сумку [Евтюхова, Киселев, 1940]. Несмотря на иной, более богатый состав инвентаря, они также содержат пояс или сбрую и сосуды.

Рис. 3. Русенихинский могильник, инвентарь жертвенного комплекса 14:
1, 5, 6 — кожа, цветной металл; 2–4 — кожа, цветной металл, кость; 3, 7–11, 19 — кость;
12–14, 17, 18 — цветной металл; 15, 16 — кожа; 20 — кость, железо.

Заслуживает внимания находка из кургана № 11 могильника Катанда-3 на Горном Алтае. Этот объект представлял собой кенотаф с захоронением верхового коня и местом для погребения человека. В части могилы, предназначенной для человека, выше берестяного колчана, находился монолит из кожи, металлических изделий и шелка, принятый первоначально за остатки сумки. Позднее при разборе этого монолита был выявлен пояс, застегнутый вокруг свертка одежды [Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 117, рис. 10].

К сожалению, археологический материал позволяет нам фиксировать только часть обряда, имеющую вещественную форму выражения. Понять и реконструировать (с определенной долей условности — иногда по внешней схожести) суть того или иного обряда можно только с помощью данных этнографии. По ним известно, что одежда в погребально-поминальной обрядности марийцев и окружающих их народов (финно-угорских, тюркских) занимала значительное место.

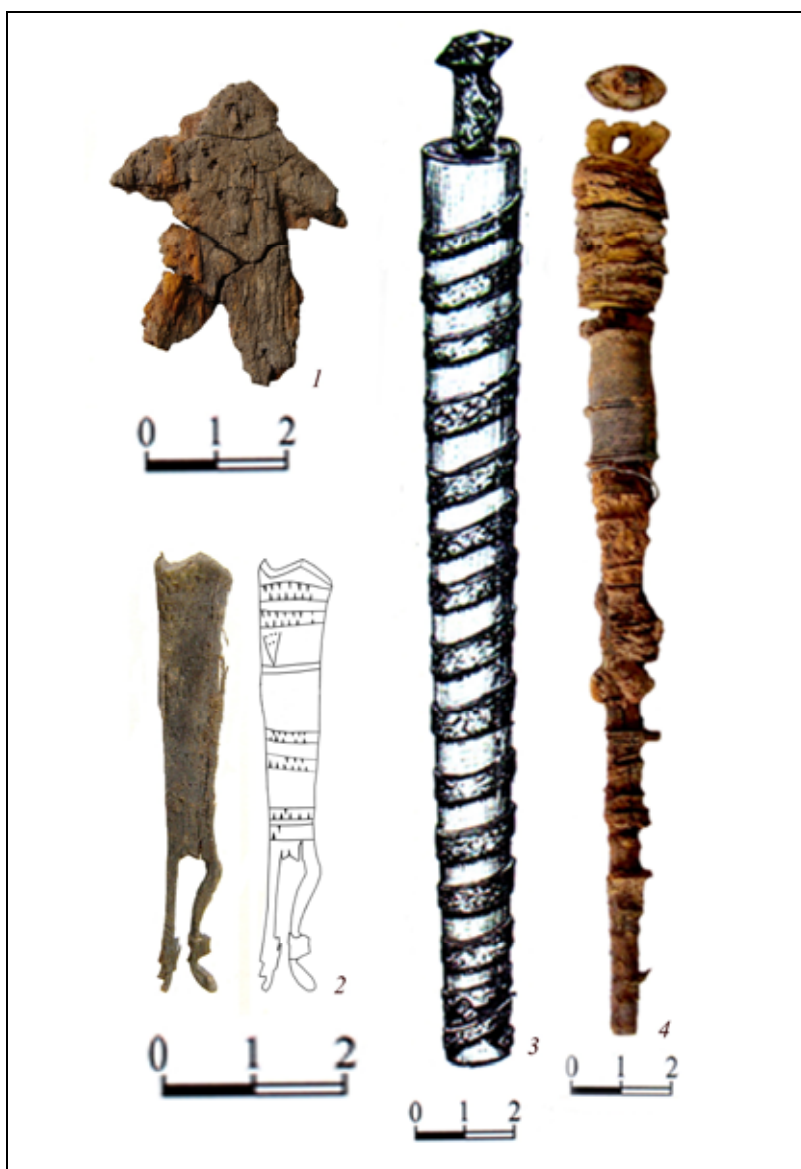

Рис. 4. Предметы из Веселовского могильника, погр. 30 (1), могильника Черемисское кладбище, жк 2 (2), Юмского могильника, погр. 7 (3), Русенихинского могильника, жк 12 (4):
1 — дерево; 2 — кость; 3, 4 — железо, цветной металл.

«Марийцы при захоронении покойника в правую руку кладут квадратный отрез холста со сторонами по ширине ткани... На лоб кладут кусок холста, шириной в 2–3 вершка, длиной по ширине ткани, сложив в виде треугольника» [Васильев, 1927, с. 64]. «С ног до головы покрывают его (покойника. — Т. Н.) белым холстом, называемым “кут-выньэр”... Поверх этого холста протягивают также во всю длину тела три шелковые (или шерстяные. — Т. Н.) нитки... Поверх ниток на лицо покойника кладут куски холста, длиною от двух четвертей аршина... Если покрывал для лица наберется много, то часть их кладется ниже лица и даже по бокам трупа умершего или подстилается на дно гроба... Куски холста как длинные, так и короткие не отрезаются, а отрываются... Поверх “кут выньэр” у восточных марийцев покрывают старым кафтаном из шерстяного сукна» [Там же, с. 71, 72]. Аналогичны сведения других исследователей [Религиозные обряды черемис, 1887, с. 66].

Обряды поминовения показывают, что пребывание души на этом свете, по представлениям марийцев, тесно связано с одеждой умершего. Именно она олицетворяет умершего. Это может быть развешанная марийцами во время поминок на стене одежда или ее свиток [Смирнов,

1889, с. 125]. При поминовении умершего родственника главной фигурой становится заместитель умершего «вургем чийыше», который обязательно облачался в одежду покойного [Марийцы..., 2013, с. 251; Васильев, 1927, с. 91]. Аналогичные действия с одеждой производят мордва [Корнишина, 2000, с. 128] и удмурты [Садиков, 2008, с. 169].

«Платье, в котором умер черемисин, в старину вешалось над могилой» [Кузнецов, 2009, с. 104] или на дереве около могилы [Олеарий, 1906, с. 366]. «Если кладбище близко, стараются раздеть “вургем чиже” на самой могиле, на которую его для этой цели усаживают» [Кузнецов, 1904, с. 74].

Определенные параллели можно провести с обрядами других народов.

Ульчи, народ, входящий в алтайскую языковую семью, после смерти человека собирают в ящик (чемодан) вещи умершего: нижнее белье, платок, носки, брюки, немного продуктов и пр. Чемодан несут на кладбище и оставляют для души умершего [Титорева, 2009, с. 183]. Этими чемоданами заменили шалаши, которые в старые времена сооружали возле могилы и в которых хранились вещи для души умершего.

Особый интерес представляют комплексы, в которых расположение одежды соответствует кукле.

В отдельных местностях проживания мордвы делали куклу, изображавшую покойного [Смирнов, 1895, с. 181].

Очень широко обряд распространен у хантов и манси. Кукла, изображающая умершего, называлась «иттерма». Основу могла составлять щепка или вырезанная из дерева фигурка, которая облачалась в многочисленные одежды. В отдельных случаях кукла состояла только из тряпок и одежд. Иттерма сопровождалась монетой или иным «светлым кругом» [Гемуев, 1990, с. 207–208].

У киргизов существовал обряд «тул» — изготовление куклы покойного из его подушки и одежды. Близкий обычай зафиксирован у казахов и осетин [Амбрамзон, 1971, с. 328]. Л.Р. Кызласов связал с этим обрядом погребальные куклы Оглахтинского могильника Хакасско-Минусинской котловины. Он высказал мнение, что эти куклы погребались в засыпь по истечении некоторого времени [Кызласов, 1960, с. 101–104], а значит, в контексте обрядности их следует считать поминальными. Погребальные куклы известны и в памятниках дренетюркского времени в Туве [Потапов, 1960, с. 10]. К пережиткам этого обряда Л.Р. Кызласов отнес также хантыйские куклы, убежища душ умерших [Амбрамзон, 1971, с. 331, 332]. Можно провести параллели и с изготовлением изображений умершего из войлока у ряда кочевых народов [Бубенок, 2014, с. 87].

По этнографическим данным, у тюркских народов кукла, олицетворяющая душу умершего, изготавливалась иногда в виде деревянной фигурки [Кимеев, 2009, с. 121; Васильев, 2009, с. 194] или для ее основы использовалась щепа от гроба. У шорцев, заманивая душу в царство мертвых, шаман закапывал рядом с надмогильным холмом специально вырезанную из кедра куклу — вместилище души [Кимеев, 2009, с. 121].

Среди материалов жертвенных комплексов марийских могильников также имеются предметы из кости и дерева неясного назначения, которые условно можно связать с упомянутыми выше предметами. В жк 2 могильника Черемисское кладбище в узле с тканью, мехами обнаружены две костяные копоушки, одна из которых имеет форму антропоморфного существа (рис. 4, 2). Судя по тому, что фигурка не имела отверстий для привешивания или пришивания, она использовалась как самостоятельная вещь. Антропоморфная фигурка из коры дерева была положена в засыпь п. 30 Веселовского могильника (рис. 4, 1). Костяной предмет неопределенного назначения без отверстий для подвешивания или пришивания к одежде находился в жк 14 Выжумского могильника. Деревянный предмет неясного назначения обнаружен в жк 3 Выжумского и жк 12 Русенихинского могильника. В большинстве жертвенных комплексов дерево сохраняется плохо (от деревянных чаш — в основном фрагменты венчика под окантовкой из серебряных пластинок), поэтому деревянные изображения могли и не уцелеть.

Несмотря на то, что в разных регионах обряд изготовления кукол имеет свои названия и различные материальные формы выражения, суть его одна: кукла изготавливалась как временное вместилище души умершего.

К.Ф. Карьялайнен полагал, что у угорских народов именно одежда первоначально замещала умершего, изготовление кукол появилось позднее [1994, с. 132].

Таким образом, комплексы в межмогильном пространстве или засыпи могильных ям с набором одежды являлись поминальными и, вероятно, служили вместилищами душ предков и способствовали после определенного срока отправлению их в потусторонний мир. Поэтому не случайно в данных комплексах находятся сосуды, которые с остатками поминальной пищи также передавались умершим родственникам.

По этнографическим материалам известно, что, в представлениях марийцев, душа умершего человека до сорокового дня не отправляется в «иной мир» [Марийцы..., 2013, с. 250]. Срок в 40 дней для ухода души обозначен и в верованиях мордвы [Корнишина, 2000, с. 126–128]. Таким образом, до поминок сорокового дня душа еще не находится в загробном мире. Окончательный траур снимается в годовые поминки; вероятно, тогда и завершаются проводы предка в потусторонний мир. По поверьям удмуртов, душа умершего бродила среди людей 40 дней/год или до сорокового дня обитала дома/около дома, а к году достигала загробного мира [Шутова, 2001, с. 206].

Рассмотренный обряд мог появиться под влиянием угорской или тюркской традиции. В пользу последней может свидетельствовать слово «курчак», которое соответствует обозначению куклы у киргизов («курчак»), древнетюркскому названию куклы «корчак» [Исанбаев, 1994, с. 86] и совпадает с названием изображений женских духов-предков у шорцев (qurtuĵaq) и кумандинцев (urĵuĵaq) [Амбрамзон, 1971, с. 317]. В.Е. Васильев со ссылкой на Л.В. Дмитриеву отмечает, что у барабинских татар кукла также называется «курчак», эти же термином обозначается идол, божество [Васильев, 2009, с. 193, 194]. Об определенной связи с тюркской культурой могут свидетельствовать и богато орнаментированные войлочные коврики на дне жертвенных комплексов, которым посвящена отдельная статья [Никитина, 2013].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Амбрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и культурно-исторические связи. Л.: Наука, 1971. 403 с.
- Белоцерковская И.В.* Погребения с дарами из могильника Кораблино (по материалам раскопок 1986–1991 гг.) // Тр. ГИМ. М.: ГИМ, 1997. № 93. С. 20–28.
- Бубенок О.Б.* Новации и традиции в погребально-поминальной обрядности древних тюрков Центральной Азии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. Вып. VII. С. 77–89.
- Васильев В.Е.* Юкагирские сайтааны: (К вопросу генезиса шаманских погребений) // Сиб. сб.-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. II. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 191–198.
- Васильев В.М.* Материалы для изучения верований и обрядов мари. Краснококшайск, 1927. 127 с.
- Гемуев И.Н.* Мировоззрение манси: Дом и космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
- Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмурт. ун-т, 1999. 464 с.
- Евтюхова Л., Киселев С.* Чаа-тас у села Копены // Тр. ГИМ. М., 1940. Вып. XI. С. 21–55.
- Ефименко П.П.* Ивановковский и Гавердовский могильники древней мордвы // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1975. 48. С. 7–36.
- Исанбаев Н.И.* Марийско-тюрские языковые контакты. Йошкар-Ола: НЦФУ, 1994. Ч. 2. 209 с.
- Карьялайнен К.Ф.* Религия югорских народов. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. Т. 1. 152 с.
- Кимеев В.М.* Погребальный обряд шорцев // Сиб. сб.-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. II. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 117–121.
- Корнишина Г.А.* Традиционные обычаи и обряды мордвы. Саранск: МордГПИ, 2000. 150 с.
- Кузнецов С.К.* Культ умерших и загробные верования луговых черемис // ЭО. 1904. № 1. С. 56–109.
- Кузнецов С.К.* Культ умерших и загробные верования луговых черемис // Святыни. Культ предков. Древняя история. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 2009. С. 87–166.
- Кызласов Л.Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960. 199 с.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В.* Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Изв. лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2. С. 115–129.
- Марийцы: Историко-этнографические очерки /* Отв. ред. А.С. Казимов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 2013. 480 с.
- Никитина Т.Б.* Войлок в погребальном обряде Русенихинского могильника // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 253–260.
- Никитина Т.Б.* Костюм средневекового марийского населения как маркер этнической культуры // Тр. Карельского науч. центра РАН. 2014. № 3. С. 21–32.
- Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола, 2001. 432 с.
- Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю.* Отражение культа предков марийцев в погребальном обряде могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. // Stratum plus: Культурная антропология и археология. 2012. № 5. С. 179–194.
- Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1906. 582 с.
- Орфинская О.В., Никитина Т.Б.* Ткани из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. // ПА. 2014. № 2. С. 70–91.
- Потапов Л.П.* Полевые исследования Тувинской археолого-этнографической экспедиции. М.; Л., 1960. (ТКАЭЭ; Т. II).

Жертвенные комплексы с одеждой из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. ...

Религиозные обряды черемис. Изд. Православного Миссионерского Общества. Казань: Тип. и Литография В.М. Ключникова, 1887. 87 с.

Садиков Р.Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов: (История и современные тенденции развития). Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2008. 232 с.

Смирнов И.Н. Черемисы: Историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Император. ун-та, 1889. 212 с.

Смирнов И.Н. Мордва: Историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Император. ун-та, 1895. 310 с.

Титорева Г.Т. Похоронно-поминальные обряды ульчей (по материалам научных экспедиций) // Сиб. сб.-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. II. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 178–184.

Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001. 304 с.

T.B. Nikitina

Mari El Language, Literature and History Research Institute
Krasnoarmeyskaya st., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Russian Federation
E-mail: marnii@mari-el.ru

SACRIFICIAL COMPLEXES WITH CLOTHES FROM CEMETERIES OF THE VETLUGA-VYATKA INTERFLUVE AREA OF THE IX–XI CENTURIES

Sacrificial complexes in the intersepulchral space (SC) as explorative signs of the Mari Medieval burial grounds were designated by the author in the 90-s. Four variants of the SC are singled out, among which the variants III and IV are the most characteristic and mass scale for the Mari culture monuments. The article describes and introduces into scientific discourse 26 complexes from Rusenikhinskiy and Vyzhumskiy burial grounds, excavated by the author of this article in 2010–2015. Emergence of additional materials has allowed disclosing semantics of these objects in a new way. Internal contents of the complexes are represented by dishes, instrument of labour or welfare items, clothes and jewelry. With the help of an improved technique of excavation of these objects, opening and fixing by layers from 1 to 3 cm, level bedding of jewelry and elements of clothes in vertical direction from the head the legs is found out. Elements of headdresses and footwear, caftans, dresses or rectangular pieces of fabric were successfully distinguished among the fragments from certain objects. Judging by the external signs: abundance of fabrics, fragments of clothes (doth underclothes and top garments), structure and localization of jewelry in certain vertical zonal distribution corresponding to the place of a certain ornament or suit element — it is possible to assume that a doll made of clothes of a dead person was placed in these complexes. Connection of the soul of a dead person with clothes of the Maris is confirmed by ethnographic and folklore data. The ceremony of making dolls from clothes of the dead is known at Ugrian (Khanty, Mansi) and Turkic people. In spite of the fact that this ceremony has different names and various material forms of expression at different peoples, but its essence is the same: the doll is a temporary receptacle of soul of the dead. It is obvious that the complexes at the intersepulchral space or stock lines of sepulchral holes with a set of clothes in the Mari Medieval burial grounds were commemorative, they served as a receptacle of the souls of the ancestors and contributed to the transition of souls to the other world after a certain time period. This ceremony could appear under the influence of the Ugrian or Turkic tradition. The word for a doll — «kurchak» — favours the last version, because it corresponds to the Kyrgyz word for a doll («kkurchak») and coincides with the name of images of female ancestral spirits at the Shors (qurtujaq), the Kumandins (urtyjaq), and the Barabinsk Tatars («kurtsak»).

Key words: funeral and memorial rites, the Mari, the Mordovians, the Middle Ages, the Turks, sacrificial complex, clothes, seat of the soul.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-021-032

REFERENCES

Ambramzon S.M., 1971. *Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i kul'turno-istoricheskie svyazi* [The Kyrgyz people and its ethnogenetic, cultural and historical relations], Leningrad: Nauka, 403 p.

Belotserkovskaya I.V., 1997. Pogrebeniya s darami iz mogilnika Korablino po materialam raskopok 1986–1991 gg. [Burials with offerings from the cemetery Korablino (based on excavations of 1986–1991)]. *Trudi GIM*, no. 93, Moscow: GIM, pp. 20–28.

Bubenok O.V., 2014. Novatsii i traditsii v pogrebal'no-pominal'noi obriadnosti drevnikh tiurkov Tsentral'noi Azii [Innovations and traditions in mortuary rites of ancient Turkic peoples of Central Asia]. *Mirovozzrenie naseleeniia luzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive*, VII, Barnaul: Izd-vo AltGU, pp. 77–89.

Efimenko P.P., 1975. Ivankovskii i Gaverdovskii mogilniki drevnei mordvi [Ivankovsky and Gaverdovsky burial grounds of the ancient Mordva]. *Trudi MNIIYaLIE*, 48, Saransk, pp. 7–36.

Evtiukhova L., Kiselev S., 1940. Chaa-tas u sela Kopeny [Chaa-tas near the village of Kopeny]. *Trudy GIM*, XI, Moscow, pp. 21–55.

- Gemuev I.N., 1990. *Mirovozzrenie mansi: Dom i kosmos* [Worldview of the Mansi: The home and the space], Novosibirsk: Nauka, 232 p.
- Goldina R.D., 1999. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda* [Ancient and medieval history of the Udmurt], Ijevsk: Udmurtskii universitet, 464 p.
- Isanbaev N.I., 1994. *Mariisko-tiurskie iazykovye kontakty* [Contacts between Mari and Turkic languages], Ch. 2, Ioshkar-Ola: NTsFU, 209 p.
- Karjalainen K.F., 1994. *Religiia iugorskikh narodov* [Religion of the peoples of Yugra], vol. 1, Tomsk: Izd-vo TGU, 152 p.
- Kazimov A.S., 2013, (ed.) *Mariitsy: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Mari: Historical and ethnographic essays], Ioshkar-Ola: MarNIIali, 480 p.
- Kimeev V.M., 2009. Pogrebal'nyi obriad shortsev [The mortuary rite of the Shors]. *Sibirskii sbornik-1. Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Kn. II, St. Petersburg: MAE RAN, pp. 117–121.
- Kornishina G.A., 2000. *Traditsionnye obychai i obriady mordvy* [Traditional customs and ceremonies of the Mordvins], Saransk: MordGPI, 150 p.
- Kuznetsov S.K., 1904. Kul't umershikh i zagrobnye verovaniia lugovykh cheremis [Cult of the dead and beliefs in afterlife among the Meadow Cheremis]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1. pp. 56–109.
- Kuznetsov S.K., 2009. Kul't umershikh i zagrobnye verovaniya lugovih cheremis [Cult of the dead and beliefs in afterlife among the Meadow Cheremis]. *Svyatini. Kult predkov. Drevnyaya istoriya*, Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izd-vo, pp. 87–166.
- Kyzlasov L.R., 1960. *Tashtykskaia epokha v istorii Khakassko-Minusinskoi kotloviny* [The Tashtyk era in the history of Khakass-Minusinsk Hollow], Moscow, 199 p.
- Mamadakov Iu.T., Gorbunov V.V., 1997. Drevnetiurskie kurgany mogil'nika Katanda-3 [Ancient Turkic barrows of the burial ground of Katanda-3]. *Izvestiia laboratorii arkheologii*, 2, Gorno-Altaysk, pp.115–129.
- Martynova E.P., 2009. Ugro-Samodiiskie paralleli v pogrebal'nom obriade nadymsskikh nentsev [Ugro-Samoyedic parallels in the mortuary rite of the Nadym Nenets]. *Sibirskii sbornik-1. Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Kn. II, St. Petersburg: MAE RAN, pp. 56–62.
- Nikitina T.B., 2014. Kostium srednevekovogo mariiskogo naseleniia kak marker etnicheskoi kul'tury [Costume of the Medieval Mari population as a marker of ethnic culture]. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 3, pp. 21–32.
- Nikitina T.B., 2001. Mariitsy v epokhu srednevekov'ia [The Mari during the Middle Ages], Ioshkar-Ola: MarNIIaLI, 432 c.
- Nikitina T.B., 2013. Voilok v pogrebal'nom obriade Rusenikhinskogo mogil'nika [Felt in the mortuary rite practiced at the burial ground of Rusenikhino]. *KSIA*, 230, pp. 253–260.
- Nikitina T.B., Efremova D.Iu., 2012. Otrazhenie kul'ta predkov mariitsev v pogrebal'nom obriade mogil'nikov Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia IX–XI vv. [The Mari ancestor worship reflected in the mortuary rites practiced at cemeteries in the Vetluga-Vyatka interfluvial area in 9–11 centuries]. *Stratum plus: Kul'turnaia antropologiya i arkheologiya*, no. 5, pp. 179–194.
- Olearii A., 1906. *Opisanie putesthestviia v Moskoviiu i cherez Moskoviiu v Persiiu i obratno* [The description of a travel to Moscovia and through Moscovia to Persia and back], St. Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina, 582 p.
- Orfinskaia O.V., Nikitina T.B., 2014. Tkani iz mogil'nikov Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia IX–XI vv. [Fabrics from burial grounds of the Vetluga-Vyatka interfluvial area of the IX–XI centuries]. *Povoljskaya arkheologiya*, no. 2, pp. 70–91.
- Potapov L.P., 1960. Polevye issledovaniia Tuvinskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii [Field researches of the Tuva archeological and ethnographic expedition]. *TKAEE*, vol. II.
- Sadikov R.R., 2008. *Traditsionnye religioznye verovaniia i obriadnost' zakamskikh udmurtov: (Istoriia i sovremennye tendentsii razvitiia)* [Traditional religious beliefs and ceremonialism of the Kama Udmurts: (History and current trends of development)], Ufa: TsEI UNTs RAN, 232 p.
- Shutova N.I., 2001. *Dokhristianskie kul'tovye pamiatniki v udmurtskoi religioznoi traditsii: Opyt kompleksnogo issledovaniia* [Pre-Christian cult monuments in the Udmurt religious tradition: An effort of a complex research], Izhevsk, 304 p.
- Smirnov I.N., 1889. *Cheremisy: Istoriko-etnograficheskii ocherk* [The Cheremis: Historical and ethnographic essay]. Kazan': Tipografiia Imperatorskogo universiteta, 212 p.
- Smirnov I.N., 1895. *Mordva: Istoriko-etnograficheskii ocherk* [The Mordva: Historical and ethnographic essay], Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 310 p.
- Titoreva G.T., 2009. Pokhoronno-pominal'nye obriady ul'chei (po materialam nauchnykh ekspeditsii) [Burial and funeral ceremonies of the Ulch people (based on the materials of scientific expeditions)]. *Sibirskii sbornik-1. Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Kn. II, St. Petersburg: MAE RAN, pp. 178–184.
- Vasil'ev V.E., 2009. Iukagirskie saitaany: (K voprosu genezisa shamanskikh pogrebenii) [The Yukaghir saytaana (shamans): (Genesis of the shaman burials revisited)]. *Sibirskii sbornik-1. Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Kn. II, St. Petersburg: MAE RAN, pp. 191–198.
- Vasil'ev V.M., 1927. Materialy dlia izucheniia verovaniia i obriadov mari [Materials for studying the Mari beliefs and ceremonies], Krasnokokshaisk, 84 p.